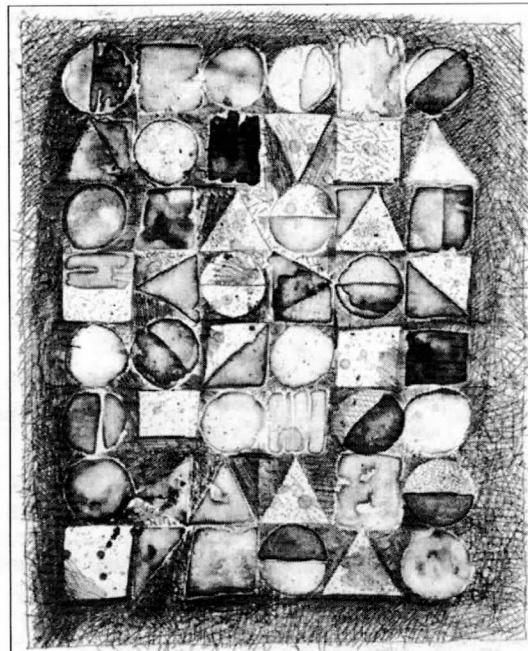

ПОБЕРЕЖЬЕ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЕЖЕГОДНИК

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ
КРИТИКА - РЕЦЕНЗИИ - ЭССЕ
ИНТЕРВЬЮ - КУЛЬТУРА - ИСКУССТВО

21

THE COAST
PHILADELPHIA
2012

Здесь представляется уместным вспомнить наблюдение Сергея Маковского об Осипе Мандельштаме, достигшем нового звучания русского языка, так как «любовался им немного со стороны, открывал его красоты так же почти, как красоты греческого или латыни, неутомимо вслушиваясь в него и загораясь от таинственных побед над ним»²⁶. Более того, отрыв от привычной среды ведет не только к потерям, но и к приобретениям, ведь взгляд на себя через призму чужого, дарит возможность открытия. Поэтому слова Маковского отчасти применимы как к отдельным русским и зарубежным классикам, так и к нашим современникам, например, мастерам каламбура «украинцу» Александру Кабанову или «американцу» Григорию Марку... И то, что еще сегодня предстает феноменальным, уже завтра может обрести закономерность, ведь и теперь – речь не о «бездонном космополитизме», а о многогранности, по Тютчеву, двойного – и даже тройного – бытия. В заключение остается процитировать отрывок из вышеупомянутой речи Михаила Эпштейна, попытавшегося предсказать будущее русско-американской литературы:

«Амероссия»²⁷ – сложное имя: имя страсти, которая соединяет две великие культуры, и имя генетической опасности... Трудно предсказать, кто или что родится: гений или монстр, воплощенная утопия или разрушительная химера. Но даже те ошибки и потери, которыми чревато соединение двух культур, могут стать могучим рычагом эволюции. [...] Культура – это игра в испорченный телефон: ошибки множатся, а в результате на другом конце рождается новое сообщение. Нам не надо рассчитывать на то, что прежние или новые соотечественники нас полностью услышат и поймут – как всегда, скажут... Но, как звено в цепи ошибок, мы имеем право на превратности такой двойной судьбы, проходящей через зону глухоты и недопонимания. На участке культурной связи между Россией и Америкой происходит огромное количество ошибок, там стоит треск и грохот, похожий на глушилки времен вещания «Свободы» за «железный занавес». Но то, что просачивается, – передается дальше, звучит по-новому, и во всем сказанном главная прелест – непредсказуемость.

Люксембург

ВИКТОР ФЕТ

ЗАМЕТКИ О ДЕТСКОЙ ЭНТОМОЛОГИИ НАБОКОВА

Ранний натуралист. Энтомологическим занятиям Набокова посвящено немало трудов, опубликованных в последние годы по-английски. Среди них – солидный том под редакцией Брайана Бойда (основного набоковского биографа, живущего в Новой Зеландии!) и Роберта Пайла “Nabokov’s Butterflies” (2000) [1], книга Курта Джонсона и Стива Коутса “Nabokov’s Blues” (2001) [2] и книга Дитера Циммера “A Guide to Nabokov’s Butterflies and Moths” (2001) [3]. Однако, все

Манук Жажоян – о себе, о языке...» – СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011

²⁶ Цитируется по: Василий Молодяков, «Загадки Серебряного века» – «Парнас, Петербург и Империя: Осип Мандельштам и Бенедикт Лившиц» – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2009

²⁷ Этот термин заимствован автором из романа Владимира Набокова «Ада»

эти труды в основном посвящены второй, после литературы, страсти Набокова в его взрослые годы. В то же время, детские занятия бабочками были блестяще описаны самим Набоковым в шестой главе его автобиографии “Другие берега” и ее англоязычного варианта “Speak, memory” (“Память, говори”), и не так-то просто добавить что-либо к его собственным свидетельствам. Я попытался наметить несколько возможных тем, которые касаются детских занятий естественной историей – чрезвычайно важных в случае Набокова.

Курт Джонсон, неутомимый исследователь набоковской энтомологии, говорит (в интервью с электронным форумом NABOKOV-L, 26 октября 1999): “Для Набокова, как и для многих других, детское восхищение толстыми иллюстрированными атласами бабочек перешло в направленное их созиранье в подростковом возрасте. Как и у многих ученых, такие ранние впечатления стали движущей силой его жизни.” Набоков начал собирать бабочек в 1906 году, в возрасте семи лет. Он опубликовал первую свою книгу стихов десять лет спустя; первую научную статью о бабочках – в 20 лет; первый роман, “Машенька” – в 26 лет. По словам немецкого переводчика Набокова и исследователя его творчества Дитера Циммера, “лепидоптерология для Набокова была не просто хобби. Это была его страсть в течение всей жизни, возникшая, когда ему только исполнилось семь лет – за восемь лет до того, как он стал сочинять первые свои стихотворения – с его первым махаоном в Выре.” Гарвардский энтомолог Чарльз Ли Ремингтон [4, с. 275] писал: “Меня особенно увлекают его достаточно искренние воспоминания о своей юности в “Speak, Memory”, и мне думается, что только профессиональный лепидоптеролог может полностью оценить эту значительную сторону личности Набокова.”

В связи с лепидоптерологическими занятиями Набокова постоянно возникает вопрос: были ли он любителем или профессионалом? Сегодня нет сомнения, что он действительно был в этой области профессионалом, как вполне очевидно показали Джонсон и Коутс [2] и другие авторы. Применим ли тот же вопрос к детской энтомологии Набокова? Ведь дети – по определению любители. Набоков, вероятно, не подпадает под современное определение вундеркинда (англ. *prodigy*) как “ребенка, обычно моложе 10 лет, который выступает на уровне высококвалифицированного взрослого в области деятельности, требующей очень значительных усилий” [5]. Автор последней статьи отмечает, кстати, что (в отличие, скажем, от математики) вундеркинды в области естественных наук практически неизвестны. В то же время, Набоков несомненно был исключительно одаренным ребенком, и его зоологические занятия, как мы знаем, включали приобретение вполне профессиональных навыков.

Эта интенсивная работа началась для Набокова в очень раннем возрасте, и включала не только самообразование, но и постоянное руководство со стороны его отца, юриста и политика Владимира Дмитриевича Набокова, который тоже был собирателем бабочек на серьезном любительском уровне. Юный Владимир Владимирович владел английским и французским, как родными языками, и читал серьезную научную литературу на этих языках – такую, как английский журнал “The Entomologist”. Как он сам вспоминает, все его детские заметки о бабочках (видимо, не уцелевшие) были на английском языке, с терминами, заимствованными из этого журнала [2, с. 115]. Раннее запечатление, “импринтинг”, оставленный томами зооло-

гических руководств, их влияние на зрительную и лингвистическую память писателя, очевидны из лепидоптерологических названий, аллюзий и каламбуров, которые рассеяны по всем произведениям Набокова, как написанным и по-русски, так и (позднее) по-английски. Как пишет Брайан Бойд [1], еще до того, как Набоков “прочитал или перечитал всего Толстого по-русски, всего Шекспира по-английски и всего Флобера по-французски”, он уже изучил всех известных бабочек Европы и (к 1910 году, т.е. к 11 годам) “блаженствовал над вышедшими к тому времени томами труда Адальберта Зайтца “Die Gross-Schmetterlinge der Erde” (“Бабочки мира”). Джонсон и Коутс [2, с. 11] рассказывают о классических иностранных трудах по энтомологии, к которым имел доступ Набоков, о красоте и важности трудов Зайтца, которые приобрели статус классики. Набоков изучал немецкий язык в Тенишевском училище, однако он поступил туда только в январе 1911 г. [6]. Видимо, до этого он обучался немецкому самостоятельно по зоологическим книгам о бабочках, включая популярные, которые позже сам именовал иронически “шметтерлингсбухи с картинками для среднеевропейских простаков” (“Другие берега”).

Мальчики с сачками. Собирание бабочек? В воображении читателя, мне кажется, все еще возникает маленький ребенок викторианской эпохи (типа кэрроловской Алисы), бегающий с сачком по условным аккуратным лужайкам. Увлечение это обычно воспринимается как “детское” занятие, гораздо менее серьезное, чем технологические увлечения детей, изготавливающих модели механизмов или компьютеры. В современной западной культуре мальчик с сачком для ловли бабочек – странная и старомодная фигура (здесь предпочтение несомненно отдается спортивным играм). Журналист Стив Коутс, в соавторстве с Куртом Джонсоном написавший замечательную книгу “Набоковские голубянки”, делится любопытными воспоминаниями из собственного детства в Америке: “Я вырос в сельской местности на западе Северной Каролины, где у многих соседских мальчиков имелись замечательные, хорошо поставленные коллекции насекомых, и они неплохо разбирались в энтомологии. В более старшем возрасте я стал считать себя более “продвинутым” и отвергал такие занятия как деревенские – но ведь именно этим и занимался Набоков в начале века.” (NABOKOV-L, 26 октября 1999).

Роберт М. Пайл в своей статье “Междудвуми и облаком” (“Between Climb and Cloud”) [1, с. 37] объясняет, что случай Набокова был уникальным: “Вдобавок к незаурядным интеллектуальным способностям, преимущества его жизненных обстоятельств позволили ему стать квалифицированным лепидоптерологом к девяти годам. Отец его был коллекционером и смог обучить сына основам лепидоптерологии, дал ему представление о местной фауне, и, что невероятно важно, всячески поощрял эти занятия. Равноудущие или отсутствие поддержки со стороны родителей, а также давление со стороны сверстников, обычно останавливают карьеру юного энтомолога еще до того, как она началась, когда сачок для ловли бабочек становится помехой в отношениях с окружающими. Таких проблем не существовало для мальчика, которого учили дома, где родители поддерживали его страсть к исследованию природы”.

Много ли мы знаем, помимо уникального набоковского опыта, о детских занятиях естественной историей, о собирании зоологических коллекций? Мне кажется, что эта тема недостаточно изучена. В России и,

конечно, в Англии широко известна книга Джеральда Даррелла (1925-1995) “Моя семья и другие звери” (“My Family and Other Animals”, 1956) [7], с ее прекрасными описаниями зоологических экскурсий юного автора на греческом острове Корфу. Семья англичан Дарреллов жила там в 1935-1939 гг., когда “Джери” было от 10 до 14 лет. В литературных кругах за пределами России, кстати, гораздо более известен его старший брат, писатель Лоренс Даррелл (1912-1990); однако Джеральд и сам был очень известным автором популярных книг по зоологии, переведенных на многие языки. В 60-е годы эти книги читали все будущие зоологи в России, в том числе и я. Природа древней Феакии (по традиции, именно Корфу, находящийся вблизи Итаки, был последним островом, куда выбросило Одиссея) оставила свой отпечаток на творчестве обоих братьев. Лоренс остался верным Средиземноморью, тогда как Джеральд объехал весь мир как зоолог и ловец редких зверей и птиц, наполняя ими свой уникальный зоопарк на острове Джерси (Нормандские острова), ныне Парк дикой природы имени Даррелла.

Я позволю себе привести здесь некоторые из моих собственных воспоминаний о занятиях зоологией в детском возрасте в бывшем Советском Союзе – для того лишь, чтобы показать, что техническая сторона зоологической систематики не так уж сложна; знания приходят с накоплением опыта. Я начал собирать насекомых и читать серьезную литературу о них в возрасте 8-10 лет в Западной Сибири, где жила моя семья, а также на побережье Черного моря, куда мы ездили каждое лето. Контраст между сибирской и причерноморской фаунами был мне очевиден и помогал пониманию природы. В отличие от набоковских, мои зоологические книги были на русском языке – добрые отечественные сводки профессиональных энтомологов. Имелись также и замечательно (по нашим стандартам) изданные книги из Восточной Германии (тome “Urania-Tierreich”, множество тонких книжек “Neue Brehm-Bücherei”), а другой иностранной литературы за Железным Занавесом не продавалось. В школе я учил английский, однако будучи уже знакомым со специальной терминологией по-русски, без особого труда смог читать со словарем и немецкие зоологические тексты. Ребенок, привыкший к книгам, вполне может пользоваться такой литературой: ее уровень сложности не сильно изменился за последние 100 лет. Даже в наше время юный натуралист способен внести профессиональный вклад в зоологию, особенно если речь идет о сборе коллекций, об отыскании экземпляров в природе. При наличии надежной этикетки (место, дата), собранный экземпляр (раковина, бабочка, жук) может представлять научную ценность независимо от того, было ли собравшему восемь или восемьдесят лет.

Дитер Циммер [3] напоминает, что исторически основные наши знания в энтомологии (равно как, надо добавить, и в других областях зоологии и ботаники) “были получены любителями, которые либо обладали средствами для того, чтобы посвятить себя такому хобби, отнимающему немало времени, либо зарабатывали на жизнь другим способом.” Аналогично обстоят дела и в XXI веке. В моей собственной систематической группе беспозвоночных животных (скорпионы, которыми мне досталось заниматься с 13 лет), некоторые из лучших в мире специалистов не имеют ученой степени и не состоят сотрудниками зоологических музеев. Сегодня, как и во времена Набокова, изрядное количество описательной работы осуществляется, на вполне хорошем уровне, зоологами-самоучками, кото-

рые не зарабатывают этим себе на жизнь. Собирание материала, тем более, зачастую производится неспециалистами: у профессионалов просто никогда не хватает денег на специализированные полевые экспедиции.

Королевское занятие. В аристократических семьях Европы, в том числе и в России, и у взрослых, и у детей имелись время и средства на коллекционирование. Юному Набокову покупались дорогие зарубежные издания зоологических атласов, а также (см. “Другие берега”) выписывались по каталогам бабочки экзотических видов – в дополнение к местной фауне, которую он собирал сам. Конечно же, деньги всегда были нужны для зоологических исследований, для путешествий, для сбора и устройства коллекций. Крупнейшие музеи европейских империй – Британской, Французской, Германской, Австрийской, Российской – были основаны и поддерживались на деньги правящих династий, например, знаменитый Императорский Зоологический музей в Санкт-Петербурге (ныне Зоологический институт РАН, что через Неву напротив Эрмитажа). Излюбленные Набоковым образы вымышленных королевских особ (см. его роман “Бледный огонь”) имеют свои прототипы, среди которых встречались и натуралисты-любители. Из них наиболее известен великий князь Николай Михайлович Романов (1859–1919), внук Николая I, один из выдающихся русских лепидоптерологов, неоднократно и с симпатией упомянутый в “Даре”, “Отцовских бабочках” и других произведениях Набокова. Николай Михайлович был расстрелян большевиками в 1919 г. в Петровпавловской крепости.

В романе “Пнин” (4.2) мы читаем следующее: “...величественный образ Тимофея Пнина, ученого и джентльмена, преподающего фактически мертвый язык в знаменитом Уэйндельском университете, в трехстах примерно милях на северо-запад от Св. Варфоломея, приобрел в гостеприимном воображении Виктора странную прелесть, какое-то семейное сходство с теми болгарскими королями или средиземноморскими принцами, которые бывали всемирно известными знатоками бабочек или морских раковин (перевод Г. Барабтарло). Похожие слова находим в “Бледном огне”: “Часто ли занимаются короли исследованиями в специальных областях знания? Конхиологов среди них можно перечесть по пальцам одной изувеченной руки.” (перевод Веры Набоковой). Конхиолог – это специалист по моллюскам, собиратель раковин. Брайан Бойд [5] поясняет, что морскими биологами были японский император Хирохито и принц Монако Альбер I. Болгарские короли (в английском оригинале “Bulgarian kings”), строго говоря, никогда не существовали (вымышленный есть у Вольтера в “Кандиде”), и Набоков скорее всего имел в виду первого в XX веке царя Болгарии, натуралиста-любителя Фердинанда I Болгарского, также известного как принц Фердинанд Саксен-Кобург-Готский (1861–1948). (Его внук, царь Симеон II, не так давно вернулся в посткоммунистическую Болгию и даже побывал там в течение некоторого времени премьер-министром).

Фердинанд I был весьма заметной фигурой на европейской сцене до Первой мировой войны и во время ее. Он стал первым князем независимой Болгарии в 1887 г., и короновался на царство в 1908 г. По восшествии Фердинанда на болгарский трон, королева Виктория (двоюродная сестра его отца) заметила своему премьер-министру: “Он совершенно не годится... изнеженный, эксцентричный, женственный... Его надо

немедленно остановить (should be stopped at once”). Фердинанд был завзятым собирателем бабочек и растений, а в юности вместе со своим братом организовал экспедицию в Бразилию [8]. Увы, эксцентричная политика Фердинанда была менее удачной, чем его естественнонаучные занятия: он был активным участником всех балканских войн, и в итоге был вынужден отречься от трона в 1918 г. в пользу своего сына Бориса.

Другой любопытный факт о Фердинанде, как мне кажется, имеет прямое отношение к роману Набокова “Бледный огонь”: именно Фердинанд был первым в истории главой государства, который поднялся в воздух на аэроплане, с бельгийским пилотом Жюлем де Ламенном, 15 июля 1910 г. Весьма вероятно, что Набоков вспомнил об этом летающем царепепидоптерологе, когда он создавал своего короля Альфина Туманного, разбившегося в 1918 г. на аэроплане “Бленда-IV” (многие европейские монархии разбились в этом году). Заметим, что осенью того же 1910 года Фердинанд и его сыновья, царевичи Кирилл и Борис, летали уже в Софии, с молодым русским авиатором Борисом Масленниковым, основавшим первые авиашколы в Болгарии и в России. Возможно, что Масленников (в дополнение к знаменитому авиатору и футболисту Уточкину) – один из прообразов полковника Петра Гусева, первого герцога Ральского, “воздушного адъютанта” короля Альфина в “Бледном огне”. В июле 1911 г. Масленников и Уточкин участвовали в первом перелете Санкт-Петербург–Москва. Перелет закончился катастрофически (три аэроплана из девяти разбились; один пассажир погиб; только один пилот добрался до Москвы). Перелет широко освещался тогдашней прессой, и 12-летний Набоков несомненно знал об этом важном технологическом событии. Масленников при большевиках был выслан в Сибирь, потом провел 8 лет в лагерях [9], умер в Новосибирске в 1947 г.

Я позволю себе привести здесь подлинную, но малоизвестную историю о Фердинанде Болгарском, которая скорее всего не была известна Набокову, но происходит из той же эпохи и “субкультуры королей-натуралистов”. История эта выглядит как эпизод из романа “Бледный огонь”. Ее поведал мне мой друг и коллега Алекси Попов, бывший директор Национального музея естественной истории в Софии. Дед Попова, сын чешского эмигранта Иван Буреш (1885–1980), был первым директором того же музея. В ранней молодости Буреш изучал энтомологию в Софийском университете у русского профессора Порфирия Бахметьева (1860–1913), еще одного из эксцентричных ученых того времени, основателя теории анабиоза. (Именно Бахметьев однажды пытался создать “периодическую систему бабочек”). В 1903 году 17-летний Буреш собирал бабочек на Мусале – самом высоком горном хребте в Болгарии (2925 м), где ему и повстречался будущий царь, тогда еще князь Фердинанд. “Зачем вы собираете моих бабочек?!” – грозно воскликнул правитель, но узнав в Буреше коллегу-энтомолога, смягчился, и предложил продолжить восхождение на Мусалу совместно. По дороге они беседовали о бабочках, и молодой биолог настолько понравился князю, что тот подарил ему свой плащ. Уже на следующий год Фердинанд назначил Буреша лаборантом в своем Музее естественной истории, который он устроил в одном из зданий княжеского дворца. Музей находится там и поныне; в нем, помимо прочих сокровищ, сохранились коллекции бабочек Фердинанда, а также тот самый плащ. (Мне досталось разбирать кол-

лекцию скорпионов этого музея, из которых некоторые были собраны самим Фердинандом). Иван Буреш сопровождал Фердинанда в различные экспедиции, пережил в Софии обе мировые войны, и продолжал работать директором музея уже при коммунистах, пока не ушел на пенсию в 1959 г. Кто знает? – при несколько иных исторических обстоятельствах, подобная судьба вполне могла ожидать и Набокова.

Такие “королевские” натуралисты, как царь Фердинанд Болгарский или великий князь Николай Михайлович Романов, предстают для нас странными персонажами, отчасти этакими Дон-Кихотами “не от мира сего”, а в реальной жизни нередко – трагическими жертвами. У Жюля Верна, которого в детстве читал (по-французски, конечно) Набоков, которого мы читаем и поныне, наиболее запоминается, конечно же, рассеянный, но героический географ Жак Паганель из “Детей капитана Гранта”. Менее известен такой же рассеянный, но уже совершенно комический герой – энтомолог кузен Бенедикт из “Пятнадцатилетнего капитана”.

Увы, собирание насекомых в европейской культурной и литературной традиции даже в просвещенном XIX веке казалось странностью. Такое восприятие сохранилось и в наши дни, едва изменившись с тех пор, как Набоков изобразил самого себя, собирающего бабочек, в сценарии “Лолиты” (1960; сцена не вошла в фильм Стенли Кубрика), где сама Лолита именует его “псих с сачком” (“nut with the net”). Тем не менее, даже такие эксцентричные фигуры, как кузен Бенедикт, принадлежат к жуль-верновской породе благородных героев – исследователей с бескорыстной страстью к знаниям.

Эпизод с Кузнецовым. В произведениях Набокова отводится особо важное место открытию и называнию новых видов – “среди еще недоназванного мира, в котором он при каждом шаге безымянное именовал” (“Дар”). В автобиографии “Память, говори” (этот эпизод отсутствует в ее русскоязычном варианте “Другие берега”) Набоков рассказывает о местной разновидности тополевой ленточницы: “Девятилетним мальчиком, еще не зная этой расы, я заметил, как сильно экземпляры, встречающиеся у нас, на севере России, отличаются от центрально-европейских, изображенных у Гофмана, и поспешил написать Кузнецову, одному из величайших русских, а то и мировых, лепидоптеристов всех времен, назвав мой новый подвид *Limenitis populi rossica*”. Долгий месяц спустя, он вернул мое описание и акварельное изображение *“rossica Nabokov”*, нацарапав на обороте письма всего два слова *“bucovinensis Hormuzaki”*. Как же я ненавидел Хормузаки! И как обиделся, обнаружив в одной из позднейших статей Кузнецова ворчливое упоминание о “школьниках, продолжающих давать имена мелким разновидностям тополевой нимфалиды”! (пер. С. Ильина, с моими исправлениями – В.Ф.)

Николай Яковлевич Кузнецов (1873–1848), тогда уже зрелый энтомолог, конечно, “уязвил” юного натуралиста в его стремлении наименовать новый подвид. Однако, это не означает, что наблюдения Набокова были неверны! Он предложил новое название географической разновидности (подвида) только потому, что в 9 лет он не знал всей существующей литературы – а это случается и с профессиональными зоологами. В данном случае, Набоков не опознал разновидности, описанной из Буковины (ныне в Западной Украине, тогда в Австро-Венгрии) в 1897 г. известным энтомологом Константином фон Хормузаки (1862–1937), профессором Черновицкого университета. Мы видим,

что Кузнецов не отверг самого факта существования (реальности, или валидности, говоря языком таксономии) замеченной Набоковым формы – он лишь указал на то, что она ранее была описана и названа другим исследователем (ситуация так называемого *номенклатурного приоритета*). Таким образом, в возрасте девяти лет Набоков уже различал мелкие диагностические признаки, которыми характеризуются разновидности бабочек.

Мне не удалось отыскать «ворчливое упоминание о школьниках», о котором пишет Набоков, однако среди публикаций Н. Я. Кузнецова этого времени (1912 год) имеется одна исключительно «ворчливая» статья, имеющая прямое отношение к данной теме, так и озаглавленная: «О стремлении к называнию как одном из течений в энтомологической литературе» [10]. Эта “методологическая” статья наполнена жалобами и инвективами по отношению к бесцельному умножению латинских названий для мельчайших разновидностей бабочек, которые публиковали любители и безответственные специалисты ввиду коммерческого интереса (увеличение списков имен в каталогах) и просто вследствие тщеславия. У меня нет сомнения, что 13-летний Набоков внимательно читал эту интереснейшую, статью, актуальную и в наши дни, когда специалисты жалуются на “таксономический вандализм” и выступают против электронных публикаций новых названий. Многие критические ноты статьи Кузнецова несомненно отразились и в воспоминаниях шестой главы “Других берегов” и в дополнительной главе к роману “Дар” (“Отцовские бабочки”), а также и в самом “Даре”, где критические замечания Кузнецова встроены в ткань текста таким же образом, как путевые заметки великих центрально-азиатских путешественников.

Разновидности тополевой ленточницы упоминаются в статье Кузнецова [9, с. 264] в следующем контексте: “Дело перепроизводства дошло до того, что не только среди серьезных противников, но и среди самих поклонников номенклатурного обогащения энтомологии начались уже недоумения, к чему поведет дальнейшая их деятельность в этом направлении. Эти недоумения прорываются, когда авторы не знают уже, что делать с названиями и “установленными” формами излюбленных *Parnassius apollo* L. или *Limenitis populi* L.” Далее следует ссылка на статью А. А. Яхонтова, который в свою очередь обсуждал мелкие разновидности бабочек, описанные другим энтомологом, Л. Н. Круликовским, среди которых мы находим форму *Limenitis populi fruhstorferi* Krulikowsky, 1909, описанную из Сибири. (Обе статьи, и Яхонтова, и Круликовского, опубликованы в 1909 г. в том же журнале “Русское энтомологическое обозрение”, что и статья Кузнецова.)

Имя известного русского энтомолога Леонида Константиновича Круликовского (1864–1930), по предположению Брайана Бойда [11], было известно Набокову и стало одним из источников имени персонажа романа “Ада” – доктора Кролика, также выдающегося лепидоптеролога. Именно Кролик назвал в честь своей ученицы Ады бабочку *Antocharis ada* Krolík (1884) – «под таким именем ее знали, пока неотвратимый закон таксономического приоритета не заменил его на *A. prittwitzi* Stumper (1883)». Мы видим, что имя Круликовского могло служить важным личным маркером для Набокова в раннем возрасте, поскольку оба были косвенно отмечены Кузнецовым в статье 1912 г. Оба, и Круликовский, и 9-летний Набоков, “давали имена мелким разновидностям тополевой нимфалиды” (как

выразился Кузнецов), практически в одно и то же время.

Проблема “называния” новых таксонов (родов, видов, подвидов), т.е. их выделения и ограничения согласно определенным признакам, не так проста, как может показаться неспециалисту. Критерии, согласно которым биологи выделяют виды, постоянно изменяются; за 100 лет, прошедших со времени “ворчливых” замечаний Кузнецова, было предложено много различных “концепций вида”. Понятие “подвид” также весьма запутано, и многие современные систематики предпочитают иметь дело только с видовыми категориями. Специалисты могут не соглашаться в своих критериях выделения видов; тем не менее, все они опираются на первичные данные — тщательное наблюдение и регистрацию классических признаков внешней анатомии (морфология), а теперь еще и молекулярных признаков (ДНК-маркеры). Уже известно многое (особенно из книги Джонсона и Коатса [2]) о чрезвычайно внимательном отношении Набокова к таксономическим подробностям, и мы знаем, что современные методы систематически подтвердили многие его предвидения. И, конечно же, Набоков был единственным зоологом, которому довелось перенести интуитивные навыки, приобретенные в детских занятиях энтомологией, на дальнейшую свою грандиозную работу в литературе.

Н. Я. Кузнецов был одним из выдающихся российских и советских энтомологов, но было немало и других. Конечно, российская зоология была безжалостно исковеркана в сталинские годы под властью Лысенко и его приспешников — о чем, кстати, хорошо знал Набоков. Тем не менее, исследования продолжались даже в тягчайших условиях, и лучшими талантами было создано немало зоологических работ — определителей, томов знаменитой серии “Фауна СССР” и т.д. Эта старинная традиция осталась непрерванной, и продолжается по сей день.

Бабочки Аксакова. Сергей Тимофеевич Аксаков (1791-1859) был, видимо, первым и единственным профессиональным литератором в России, писавшим о собирании бабочек дворянскими детьми в очерке, который так и называется “Собирание бабочек” (1858). Мы знаем, что Набоков был крайне невысокого мнения об этом очерке, который в “Других берегах” назван “бездарнейшим”. Федор в романе “Дар”, в своем вымышленном диалоге с поэтом Кончеевым, также нелицеприятно упоминает Аксакова: “Так неужели ж у Тургенева все благополучно? ...Мой отец находил вопиющие ошибки в его и толстовских описаниях природы, и уж про Аксакова нечего говорить, — добавлял он, — это стыд и срам” (в английском варианте, “disgraceful blunders”, т.е. те же “вопиющие ошибки”).

Имеем ли мы дело здесь с действительным презрением профессионала по отношению к тому, кого он считает безнадежным любителем? Скорее всего. В комментарии к “Евгению Онегину” (3.139) Набоков называет Аксакова “трехстепенный писатель, значение которого было неимоверно раздуто славянофилами”. Мы знаем, однако, что Набоков мог выражаться крайне нелицеприятно о многих признанных литературных фигурах — начиная с Достоевского. В процитированном выше диалоге Набоков не щадит ни Тургенева, ни любимого им Толстого; и в то же время мнение это высказано двойным косвенным образом (Федор воспроизводит слова своего отца). Возможно, не стоит судить искренние страницы Аксакова, посвященные естественной истории, так жестко, как это делал Набоков. Мне недавно попалась критическая

заметка известного российского лепидоптеролога Ю.П. Коршунова (<http://jugan.narod.ru/nabokov.htm>) (1933-2002), который считал, что Набоков был совершенно несправедлив по отношению к Аксакову. Коршунов [12] утверждает, что никаких “disgraceful blunders” в текстах Аксакова о бабочках не имеется. Необходимо, вероятно, чтобы заинтересованный специалист по российской фауне бабочек снова тщательно прочитал аксаковские страницы и дал свое заключение.

В данном случае Аксакова и Набокова трудно сравнивать: для Аксакова собирание бабочек было всего лишь детским развлечением, тогда как для Набокова уже в детстве это было занятие *естественной наукой*, в котором он следовал принятym международным стандартам на уровне 1900-х годов. Аксаков же был просто любителем, а кроме того, его заметки относятся к совершенно другой эпохе. Очерк “Собирание бабочек” написан за год до смерти Аксакова, рассказывает о событиях, случившихся более чем за 60 лет до того. Аксаков родился в 1791 г., то есть он собирали и выводили своих бабочек в конце 18 века, еще до рождения Пушкина, и за 100 лет до Набокова! Как и в Англии, дворянские дети в России тогда в основном увлекались охотой и рыбной ловлей, и именно Аксаков оставил нам поразительно подробные трактаты в обеих этих областях — ныне, увы, не так уже актуальные в связи с общей деградацией лесных и водных угодий, дичи и рыбы в центральной России...

Надо сказать, что для своего времени, Аксаков и его сверстники получили весьма хорошее образование в естественной истории. В возрасте 15 лет Аксаков уже был студентом в недавно (1805) открывшемся Казанском университете. Его профессором там был Карл Фукс (1776-1846), врач и этнограф, один из множества немецких ученых-идеалистов, в молодом возрасте перебравшихся в имперскую Россию. Фукс в 1797 г. закончил Геттингенский университет, где он учился у знаменитостей — И. Ф. Блуменбаха и Г. К. Лихтенберга. Учебником, по которому занимался Аксаков, было “Руководство по естественной истории” того же Блуменбаха, переведенное на русский язык в 1796 г. Дом Фуксов в провинциальной Казани был интеллектуальным центром, куда заезжали все знаменитые путешественники — от Пушкина до Александра Гумбольдта. К. Ф. Фукс был ректором Казанского университета до 1827 года. Его сменил на этой должности великий математик Николай Лобачевский — которым, кстати, Набоков восхищался.

Вот как вспоминал Аксаков о своих детских опытах: “По прошествии известного, но весьма неравного времени сваливалась, как сухая шелуха, наружная кожа с гладкого или мохнатого червя — и висела или лежала куколка: висела угловатая, с рожками, узорчато-серая, бланжевая, даже золотистая хризалида; а лежала всегда темного цвета, настоящая крошечная, точно спеленная куколка. ...У нас вывелаась только одна, найденная мною где-то под застreichой, вся золотистая куколка; из нее вышла самая обыкновенная крапивная бабочка — но радость была необыкновенная!” (“Детские годы Багрова-внука”, 1856).

Набокову осталось, видимо, неизвестным, что для многих русских детей уже в 20 веке именно заметки Аксакова были введением в энтомологию. Старинный его очерк был переиздан для детей в 1938 г. маленькой книжкой под названием “Бабочки” [13] с комментариями знаменитого популяризатора зоологической науки, энтомолога Николая Плавильщика (1892-1962). К адаптированному тексту Аксакова было при-

ложено 15 цветных таблиц с изображениями около 150 видов (рисунки Г. Орлова); а в приложении рассказывалось, как собирать и расправлять бабочек. В то время это была, наверно, самая популярная книжка по энтомологии для детей. Я читал ее в детстве, равно как и замечательные книги самого Н. Н. Плавильщика ("Гомункулус", "Очерки по истории зоологии", "Занимательная энтомология").

На полях "петербургского текста".

"...Выговариваю себе право тосковать по экологической нише – в горах Америки моей вздыхать по северной России".

(“Другие берега”, 3.6).

“...Beneath the sky
Of my America to sigh
For one locality in Russia.”
(*Speak, Memory*, 3.5)

Это, конечно, парафраз пушкинских строчек из “Евгения Онегина” (I: L):

“под небом Африки моей
вздыхать о сумрачной России”.

У Набокова, однако, была собственная “экологическая ниша” (довольно новое научное понятие, которое стало широко употребляться лишь в 1950-х гг.), в которой он не перекрывался ни с кем из петербургских писателей. (А употребленное в английском варианте слово “locality” (местонахождение) – еще один натуралистический термин, игровая отсылка к точному языку энтомологических этикеток!). То самое единственное местонахождение Набокова – это вовсе не имперская столица Санкт-Петербург, но несколько квадратных верст в долине реки Оредеж, между поместьями Выра и Батово, где он провел десять своих ранних лет (1907-1917) – десять полевых сезонов коллекционера-натуралиста.

Много говорят о так называемом “петербургском тексте” – семиотической концепции В. Н. Топорова и других авторов. “Текст” этот создавался десятками известнейших русских писателей и поэтов – среди которых Пушкин, Гоголь, Достоевский, Мандельштам, Белый, Вагинов, Ахматова, Бродский, и многие другие. Именно Санкт-Петербург определил русский Серебряный Век, его символистов и акмеистов. Не так давно финский исследователь творчества Набокова Пекка Тамми [14] показал, каким образом “петербургский текст” повлиял на “текстуру” ностальгической прозы и стихов Набокова, в основном в первые годы его эмиграции в Европе, но также и впоследствии (например, в романе “Смотри на арлекинов!”). Действительно, Набоков неразрывно связан с Петербургом – ему никогда не довелось побывать в каком-либо другом крупном городе России, в том числе и в Москве. Их дом на Большой Морской находился в самом сердце имперской столицы; там же Набоков ходил в Тенишевское училище. Тем не менее личный “текст” Набокова – неразрывно связанный с местообитаниями бабочек – располагается за городом, т.е. за пределами городского петербургского текста.

В галерее столичных писателей Набоков находится на краях, на полях Серебряного Века не только потому, что он принадлежал к другому поколению (на девятнадцать лет моложе Блока, на десять лет моложе Ахматовой), и не только потому, что он покинул географические пределы “петербургского текста”, уйдя в эмиграцию в возрасте восемнадцати лет. Его ностальгия – не по “желтизне правительственные зданий” Мандельштама, не по Медному всаднику и его евра-

зийской империи – прозападной ли, славянофильской ли. Ностальгия Набокова – по тем северным лесам и болотам Рождествено и Выры, которые составляют прочную географическую опору призрачной столицы Петра. Не исключено, что Набоков – единственный русский писатель, надежно укорененный именно в этих boreальных ландшафтах, знающий их наизусть, исследовавший их биотопы в течение 10 драгоценных летних сезонов – с семи до семнадцати лет, пешком и на велосипеде. Тамми (1993) заметил, что “в набоковском Санкт-Петербурге всегда стоит зима” и что “Вадим в романе “Смотри на арлекинов!” очевидно говорит за своего создателя, когда признается, что он “никогда не видел родного города в июне или июле”. Конечно же, его не было в городе летом – он был занят в своей “экологической нише”. Июнь и июль – лучшие месяцы для собирания бабочек; в северном климате драгоценен каждый день без дождя; каждое лето давало ему сотни экземпляров, с их тщательно подписанными этикетками, заметками о местонахождениях и биологических подробностях.

Именно эта северная биogeографическая зона, по научному называемая Бореальной (ее южная граница проходит между Петербургом и Москвой), простиралась впоследствии до набоковских Ультима Туле и Земблы. Набоков-натуралист унес в изгнание мельчайшие детали русской северной природы, практически неизвестные другим писателям. Гоголь и Достоевский заперты в своем фантасмагорическом городе, и их трудно представить за его пределами. Другие, бывавшие в окружающей природной среде, воспринимали ее в романтическом, “общем” виде, как “финские скалы”. Редкие петербуржцы знали что-либо о деревьях или цветах. В “Даре” Набоков с убийственной иронией натуралиста пишет о том, что Чернышевский “не мог назвать ни одного лесного цветка, кроме дикой розы; но характерно, что это незнание ботаники сразу восполнял «общей мыслью», добавляя с убеждением невежды, что «они (цветы сибирской тайги) все те же самые, какие цветут по всей России»”. Иногда можно найти клише вроде “елка, это печальное тавро северной природы” (Пушкин, “Путешествие из Москвы в Петербург”), но в основном наши классики предпочитали воспевать богатую средиземноморскую природу, которую многие из них наблюдали лично во Франции или Италии – а невыездной Пушкин в Крыму.

Молодой Набоков видел природу иначе и глубже. Он взял с собой в странствия по миру свой детский “импринтинг”, запечатление долины Оредежа, ее “экологические ниши”, с истинной страстью ученого-натуралиста – которая намного крепче, чем связь Тургенева или Толстого с объектами их барской охоты. В знаменитых строчках шестой главы “Других берегов” автор переходит из мохового болота в Выре (“промышливши сквозь растрепанный, низкорослый сосняк, я достиг моего мохового, седого и рыжеватого, рая”) в американский лес из пондерозовой сосны. В английском варианте (“*Speak, memory*”) находим точный английский ботанический термин “*sphagnum bog*”, сфагновое болото, выдающий натуралиста, который еще мальчиком прекрасно знал эту терминологию, преследуя своих бабочек вдоль этого райского болота.

Внимание к подробностям. Джонсон и Коутс [2] приводят слова самого Набокова, указывающие на то, как детские занятия энтомологией воспитывали у него внимание к подробностям. В 1946 г. в своих вводных лекциях по русской литературе он объяснял студенткам колледжа Уэлсли: “...Предположим, у школьника появляется особая страсть – изучение бабочек. Он

разберется в некоторых общих понятиях. Он сможет сказать вам, что ...узоры на бабочкиных крыльях неисчислимые, и что по этим узорам бабочек делят на родовые и видовые группы. Для школьника это довольно внушительный объем знаний. Но конечно же, он очень далек от пленительных и невероятных лабиринтов, изобретенных природой, когда она создавала одну только эту группу насекомых.” (опубликовано впервые в биографии Б. Бойда “Владимир Набоков: Американские годы”, 1993, пер. С. Ильина).

Набоков говорит здесь о различных уровнях знания природы, деликатно, но лукаво показывая вовсе не себя самого, но обычного школьника, который мало разбирается в определении “неисчислимых узоров” и их важности для систематики. Сам Набоков, напротив, уже в возрасте 8-9 лет был способен свободно интерпретировать эти узоры для определения и классификации “родовых и видовых групп” бабочек.

Природу необходимо изучать и описывать. Зоологические занятия в раннем возрасте –

это активное, творческое упражнение памяти и внимания, концентрации на мельчайших деталях. Наличие такой связи, как мне кажется, недостаточно известно многим читателям и исследователям, поскольку для этого необходим личный детский опыт и эмоциональное отношение к биологической систематике. Мы находим и сохраняем экземпляр животного, но последующая зоологическая работа не ограничена использованием специальной литературы – определятельных таблиц и т.д. Здесь требуются многие активные исследовательские действия, повторяющиеся итерации с постоянным учетом обратной связи. Здесь и чтение, и создание текстов, и (в особенности!) рисование; здесь нужны навыки и наблюдения, и анализа. Опубликованные материалы (научные статьи и книги), свои собственные заметки, наличие прежних коллекций позволяют сравнивать новые и новые экземпляры. Эта работа продолжается постоянно.

Те, кто сам не собирал насекомых, скорее всего не представляют себе даже самого объема необходимой зоологической работы. Мы собираем большие серии экземпляров одного и того же вида для изучения их экологии и изменчивости. В современном списке дневных бабочек (а еще есть множество ночных!) Ленинградской области (и поныне сохранившей свое советское название) – 107 видов, около 30% восточноевропейской фауны. За несколько полевых сезонов юный Набоков несомненно собрал в окрестностях Выры *тысячи* экземпляров.

Энтомологические занятия Набокова были чрезвычайно интенсивными – и приносили немедленные конкретные результаты. Вместе с полевым опытом зоолога, он обучил себя чтению специальной литературы, а также созданию технических текстов: от полевых заметок (о биотопах, фенологии, размножении, кормовых растениях, и т.д.) до таксономических описаний бабочек. Набоков был единственным крупным писателем, который был в то же время профессиональным энтомологом – а занятия зоологией с раннего возраста снабдили его особыми навыками, которые не могли не проникнуть в его литературное творчество. По моему мнению, необыкновенное и, возможно, уникальное внимание Набокова к подробностям во многом берет свое начало из необходимости именно такого внимания для зоолога-систематика. Выдуманная набоковская Ада с планеты Антиterra, профессионально увлеченная энтомологией в юном возрасте – не исключение, а просто дальнейшее развитие мечтаний

и занятий ее сверстника Володи Набокова в поместье Выры.

В этих заметках я попытался передать то, что вполне очевидно и даже банально для специалиста-зоолога, однако скорее всего неясно или неизвестно обычному читателю Набокова: а именно, что энтомологическая работа дала юному Набокову чрезвычайно особый вид обучения, которого другие писатели просто не имели. Такова была, например, его тщательная работа с этикетками (подробнее см. мою статью “Зоологическая этикетка как литературная форма” [15]), что само по себе является первым и необходимым требованием для профессионального зоолога. Мне представляется, что гений Набокова с самого раннего возраста воспитывался не только за счет его артистического восприятия разнообразия и тайн природных объектов, но и, прежде всего, за счет профессиональных требований зоолога: различать подробности с целью описания этого разнообразия. Случай Набокова – видимо, единственный в истории современной науки и литературы, – свидетельствует о том, как детское эмоциональное увлечение разнообразием и красотой природы повлияло на формирование одновременно и ученого, и писателя.

Я благодарен Виктории Александер, Стефену Блэквеллу, Брайану Бойду, Курту Джонсону, Сергею Камышану, Олегу Костерину, Лорен Лукас, Алекси Попову и Дориону Сагану за их помощь и ценные замечания при подготовке этих заметок. Английская их версия готовится к печати в составе новой книги о бабочках Набокова, издаваемой Йельским университетом.

Литература:

- [1] Boyd, B. & R. M. Pyle, eds. *Nabokov's Butterflies: Unpublished and Uncollected Writings*. Beacon Press, 2000.
- [2] Johnson, K. & S. L. Coates. *Nabokov's Blues: The Scientific Odyssey of a Literary Genius*. McGraw-Hill, 2001.
- [3] Zimmer, D. E. *A Guide to Nabokov's Butterflies and Moths*, 2001.
- [4] Remington, C. L. *Lepidoptera studies*. In: *The Garland Companion to Vladimir Nabokov* (ed. Vladimir E. Alexandrov), New York: Garland, 1995, pp. 274-282.
- [5] Feldman, D. H. *Child prodigies: A distinctive form of gift-edness*. *Gifted Child Quarterly*, 1993, 37(4): 188-193.
- [6] Boyd, B. *Nabokov's Pale Fire: the Magic of Artistic Discovery*. Princeton: Princeton University Press, 1999.
- [7] Durrell, G. *My Family and Other Animals*. HarperCollins, 1956.
- [8] Die botanische Ausbeute von den Reisen ihrer Hoheiten der Prinzen von Sachsen-Coburg-Gotha. I. Reise der Prinzen Philipp und August vom die Welt (1872-1873). II. Reise der Prinzen August und Ferdinand nach Brasilien (1879). Vienna, 1883-88.
- [9] Негенбляя, И. Е. Первый менеджер авиации в Якутии. *Якутский архив*, 2011, 2 (41): 47-54
- [10] Кузнецов, Н. Я. 1912. О стремлении к называнию как одному из течений в энтомологической литературе (Namengerebeи немцев). *Русское энтомологическое обозрение*, XII (2): 256-276.
- [11] Boyd, B. *Pinning down Krolik*. *The Nabokovian*, 2002, 48: 23-27.
- [12] Коршунов, Ю. П. (без даты). О чешуекрых со слов Владимира Набокова. URL:
<http://jugan.narod.ru/nabokov.htm>.
- [13] Аксаков, С.Т. *Бабочки*. М.-Л.: Детская литература, 1938.
- [14] Tammi, P. The St. Petersburg text and its Nabokovian texture. *Paru dans Cycnos* (Nice), 1993, 10 (1): 123-133; URL:
<http://revel.unice.fr/cycnos/index.html?id=1311>.
- [15] Fet, V. Zoological label as literary form. *The Nabokovian*, 2008, 60: 18-26.
- Фет, В. Зоологическая этикетка как литературная форма. *Побережье*, 2011, 20: 140-143.